

Вступление

Двадцать шестое декабря.

В этот день ученики класса Хорикиты, включая Судо и других, у кого нет занятий в клубе, собрались в одном из кафе торгового центра Кёяки.

Ике, Судо, Шиохара, Мацушита, Мори, Ван, Маедзоно и Онодера — всего восемь человек.

Собраться в таком составе предложила Маедзоно, и, когда она объявила о своем желании встретиться для «важного разговора о будущем класса», каждый призадумался.

Как-никак слишком уж серьезная тема была выдвинута для ученицы вроде нее. Кроме того, она обошла стороной, и явно намеренно, главных действующих лиц класса: Хорикиту, Хирату и других. А ведь обсуждение будущего невозможно вести без этих людей.

Однако большинство не имели ничего против, чтобы собраться, поэтому все согласились с предложением Маедзоно, посчитав его за простые посиделки, и только одна Мацушита сомневалась от начала и до конца.

Тем не менее она не бросилась с прямыми вопросами на Маедзоно и ради приличия решила показаться на собрании, сделав вид, что поступила так же, как остальные шестеро: просто приняла предложение подруги.

Восемь человек — это сравнительно большая компания, поэтому Маедзоно позвала в кафе в Кёяки.

В назначенные пол двенадцатого не появились только Ике и Шиохара.

Стоило Мацушите взглянуть на собравшихся, как ее подозрения только усилились. И дело было не только в выборе людей. Почему будущее класса нужно обсуждать в таком месте — у всех на виду? Но прежде всего, учитывая характер и способности Маедзоно, она не думала, что дискуссия выйдет содержательной. И если уж выдвигать на повестку столь важную тему, ей хотелось бы, чтобы по крайней мере к выбору места было уделено более пристальное внимание.

Судя по громкому смеху и жизнерадостному обсуждению вчерашней телепередачи, Маедзоно не догадывалась о мыслях Мацушиты.

Та, впрочем, отметила, что в последнее время подруга пребывала в более приподнятом настроении, чем раньше.

— Простите, чуть задержались!

И пока Мацushита задавалась вопросами, на встречу все-таки заявили Ике и Шиохара. Они, с улыбками на лицах держась за руки, опустились за расположенные рядом стулья, которые остальная компания специально выделила им.

— Нечего ворковать тут друг с другом средь бела дня! И никакой не «чуть», вы опоздали, — буркнул Судо Ике, опешив от такой любвеобильности.

— Хе-хе-хе, а вот и нет. Да, Сацуки?

— Да-да, как приходили, так и приходим. А вот кто привык опаздывать, так это ты, Судо-кун, не так ли?

Глядя на до сих пор сомкнутые руки парочки, Судо вздохнул.

— Может и так, но с недавних пор я не опаздываю, — ответил Судо, да вот было непохоже, чтобы Шиохара с Ике его слушали.

— Эй, а они...

— Скорее всего, — кивнула Мацushита, услышав шепот Маедзоно.

Есть мнение, что поведение парочки сильно изменилось после двадцать четвертого-двадцать пятого числа. И появилось предположение: их отношения перешли очередную черту.

Слухи ходили еще в школьной поездке, но подтверждений им не находилось. Теперь же поведение наверняка развеяло все сомнения одноклассников.

— Канджи, чтоб тебя...

Судо уже давно дружит с Ике, в прошлом году они не раз взахлеб обсуждали, чем хотели бы заняться, будь у них девушка. Судо было не только обидно оказаться обставленным, но эти показательные заигрывания его уже сильно утомили, что вылилось в неосознанно вырвавшийся тяжелый и протяжный вздох.

— Ты чего, Судо-кун? — обеспокоенно вполголоса спросила Онодера, сидевшая рядом. Она не могла понять, отчего ему так тяжело.

— Ничего. Главное, что класс стал прежним.

— Это точно. А ведь еще недавно он трещал по швам.

Сразу после специального экзамена «Единогласное решение» у некоторых учеников возникли опасения: они считали, что из-за беспощадных разоблачений Кушиды чьи-то дружеские отношения могли испортиться окончательно.

Ван, о чьей любви к Хирате узнали окружающие, была спасена поддержкой Мацушита и подруг; Шиохара, над внешностью которой потешались, полностью оправилась благодаря своему парню Ике.

То, что они вот так собрались, показывало постепенное восстановление отношений.

— Маедзоно, может, уже начнем? — подтолкнул ее Судо, будучи не в силах стерпеть неугомонную парочку.

— Да, пожалуй. Кхм, спасибо, ребята, что пришли, — поблагодарила первым делом Маедзоно семерых человек, откликнувшихся на ее предложение.

В первое время после поступления Маедзоно отличалась враждебностью и набрасывалась на всех и каждого, была грубой и заносчивой, однако, похоже, постепенно смягчилась и стала спокойней, по крайней мере на данный момент ни с кем из присутствующих уже не держалась отстраненно. Более того, она сблизилась с Ван и Сато, можно сказать, они теперь ее лучшие подруги.

Мацушита также входила в круг подруг, но про себя Маедзоно ни во что не ставила.

— Прийти мы были и не против как бы. Только ты говорила, разговор пойдет о будущем нашего класса. Почему тогда в таком составе? Тема-то ведь серьезная? — спросил Судо. Похоже, он задался тем же вопросом, который раньше всех возник у Мацушита.

Сама она, раз так получилось, понадеялась услышать ответ.

— Кстати да, почему так?

Ике и Шиохара переглянулись, словно впервые это заметили.

Мацушита, конечно, предположила, что парочка даже не задумалась, но...

— Точно. По правде говоря, есть веская причина... почему я не позвала Хирату-куна и остальных. Я хотела бы кое-что прояснить перед началом третьего триместра, — произнесла Маедзоно, прежде чем перейти к цели встречи. — И под «прояснить» я подразумеваю Аянокодзи-куна.

Она упомянула их одноклассника. Семь человек, не считая Маедзоно, особо не отреагировали. Скорее, они даже не поняли, с чего вдруг всплыло имя Аянокоджи.

— Может, нехорошо такое говорить, признаю, но... Аянокоджи-кун мне, не знаю, не нравится. М-м, даже не так. По правде говоря, мне трудно свыкнуться с ним, — поправила она себя, видимо, посчитав, что все-таки сильно нагрубила.

— Трудно свыкнуться? Из-за чего? — ответила Ван вопросом на честное мнение Маедзоно. — Аянокоджи-кун не создает неприятностей и ни к кому не навязывается.

Такое впечатление сложилось у Ван: он не был похож на человека, о ком Маедзоно могла бы составить негативное мнение.

— Ну, возможно. Хотя, как бы сказать... Мне не нравятся угрюмые типы. С ними как-то неловко, они плохо вписываются в коллектив, и с ними не получается сойтись. Таких хочется избегать, что ли.

— То есть из вас двоих проблему видишь только ты? — спросила молчавшая Мацушита.

— М-м... Возможно.

— Аянокоджи еще довольно мрачный. Необщительный такой, да? Вспомните, он же всегда молчит... — согласился Ике с Маедзоно.

Никто прямо не говорил, нравится он как человек или нет, но все же ребята не стали сразу отрицать, что Аянокоджи — слишком угрюмый и спокойный. Однако...

— Бросьте, сейчас все иначе. По крайней мере на мой взгляд, — первым возразил Судо. — Подумайте, будь он таким угрюмым, смог бы начать встречаться с Каруизавой? А?

Но не просто возразил, а еще дал для этого обоснование.

— Меня эта новость тоже поразила. Но все равно...

Ике отчасти согласился, но сложившийся у него образ сильных изменений не претерпел.

— Кстати, Кен, ты в последнее время много общаешься с Аянокоджи. Когда подружиться-то успели? — съязвил Ике, поскольку счел такое высказывание не обоснованным доводом, а всего лишь попыткой выгородить.

Судо негодуяюще взял в руки стакан со своим напитком.

— А сам-то, ты с ним зависал сразу после поступления, нет, скажешь?

— Ну... Зависал, да, но только как с одноклассником, да и ты особенно близок с ним не был тогда. Или прямо дружбаном его считал, а?

— Вообще-то... — хотел парировать Судо, но сразу умолк, когда вспомнил первые дни в этой школе.

Теперь Судо и Ике сверлили друг друга взглядами, из-за чего Маедзоно в панике утихомирила их:

— Тихо-тихо, давайте не будем затевать ссору, ладно? Мы даже к делу толком не перешли. Сегодня я хотела многое узнать от тебя, Судо-кун, поскольку вы с Аянокоджи-куном сблизились.

Судо отвел взгляд, прекратив злобные гляделки. Он вздохнул и переспросил:

— У меня?..

— Да. Из присутствующих ты должен лучше всех знать Аянокоджи-куна, — вполголоса сказала Маедзоно, посчитав, что затягивать с основной темой больше не стоит. Но на недоумение друзей все же добавила: — Мне кажется, Аянокоджи-кун не просто хмурый одноклассник... Он что-то скрывает?

Все, даже Ике и Шиохара, начали понимать, к чему клонила Маедзоно.

— То есть сегодня мы собрались, чтобы обсудить, кто же такой Аянокоджи-кун на самом деле. Так получается?

На вопрос Ван Маедзоно ответила несколькими утвердительными кивками.

— Только, конечно же, без его девушки, Каруизавы-сан, ее близких друзей, вроде Сато-сан, часто общающихся с Аянокоджи-куном, Хираты-куна и Хорикиты-сан, а также Хасебе-сан и остальных, состоявших с ним в одной группе.

— Но почему? Не лучше ли было привлечь тех, кто хорошо его знает?..

— Разве? А не будут ли они пытаться обмануть нас? Все или же часть из перечисленных могут знать о том, кто такой Аянокоджи-кун на самом деле.

«Иначе смысла бы в этом было мало», — пробормотала следом Маедзоно. Именно поэтому она

не позвала учеников, которые, на ее взгляд, прочно связаны с Аянокоджи.

— Ладно, тогда почему я здесь?

— Мы не сможем ни к чему прийти, если никто ничего не будет знать об Аянокоджи-куне, так ведь? Я подумала, что ты честно нам расскажешь, что к чему, Судо-кун, — с намеком на гордость ответила Маедзоно, пояснив, что выбрала доверенных людей для содержательного разговора.

— Я вроде поняла. Но стоит ли так осторожничать?

Шиохара более-менее вникла в ситуацию, однако не полностью.

— Пока да. Хорошо, если за разговором мы не выясним ничего необычного, но... Давайте будем честны, в Аянокоджи-куне есть странности.

Присутствующие переглянулись.

На мгновение воцарилось молчание, однако мнение Маедзоно вдруг поддержала та, от кого этого совсем не ожидали.

— Знаете... Кое-что в нем есть такое странноватое, да, — Ван с заминкой озвучила свои мысли.

— Правда ведь? Правда?

Маедзоно даже не пыталась скрыть радости, когда у нее появился единомышленник.

— Странноватое? Можно подробнее, что ты имеешь в виду? — непонимающе спросила Шиохара, поддавшись немного вперед.

— Мне показалось, что его оценки в «ОИС», выставленные школой, расходятся с реальностью. Это касается и учебы, и спорта. Не занижены ли они у него, случайно?

— А что там в «ОИС» у Аянокоджи...

Шиохара открыла приложение в телефоне и показала непомнящему Ике.

— И правда, тут что-то не так... Почему он по всем параметрам лучше меня? — с серьезным видом простонал тот, увидев оценки.

— Все там так, это просто ты бестолковый, Канджи.

— Более того, с внедрения «ОИС» его показатели значительно улучшились. Судо-кун тоже показал рост — усердной работой, которой со стороны Аянокоджи-куна что-то не видать.

У Судо некогда по академическим способностям стояла самая низкая оценка «Е», однако он повысил ее, изо дня в день занимаясь учебой, да и в целом класс видел улучшения в его поведении. А вот в случае Аянокоджи никто не заметил хотя бы намека на старания.

Он просто ни с того, ни с сего получает высокий балл на тесте, бежит с невероятной скоростью — все это производит сильное впечатление, и неудивительно, что Ван отметила такую странность.

— Получается, можно сделать следующий вывод: он не работал в полную силу? — сказала Маедзоно то, что хотела высказать еще до встречи.

— Возможно.

— Халтурил, значит?

— Видите? Я думаю, он все это время не подходил к делу всерьез!

— Но зачем ему так поступать?

— Может, не знаю, стараться не любит?

Поднялся гомон из догадок, ситуация начала выходить из-под контроля.

— Не спешите с выводами. Посыл мне ясен, но дело может быть и не в этом вовсе. Учиться и развивать свое тело необязательно у всех на виду. Если Аянокоджи-куну не нравится выделяться, он, вполне возможно, также выкладывается, просто втайне, — прервала Мацушита поток негативных мыслей.

Она указала, что, в отличие от Судо, который развивается на глазах у окружающих, Аянокоджи может предпочитать делать это не привлекая внимания.

Если признать, что он с самого начала скрывал способности, это выставит его в невыгодном свете. Как если бы он совсем не старался на благо класса. Да, ребята просто высказывали предположения, но ей не хотелось, чтобы они были негативными.

— Сперва он реально не производил особого впечатления. Может, поэтому взялся за себя,

чтобы получить признание? Я вон тоже стараюсь и становлюсь лучше, между прочим, — бездумно выступил Ике с мыслью о том, что они могут быть в этом плане похожи.

— Ике-кун, не делай вид, будто хоть что-то понимаешь, ладно? — обратилась к нему Маедзоно, начиная злиться.

— Д-да чего тебе, почему я только делаю вид?

— Ты хоть заметил, что на прошедшем специальном экзамене Аянокоджи-кун ответил правильно на пять вопросов?

— Ну, допустим... Но не один же он решил все пять, разве нет?

Безукоризненно с задачами справились ученики с оценкой В и выше по академическим способностям — Хорикита и Хирата одни из таких.

— Только вот у Аянокоджи-куна задания были сложнее тех, которые решали Хорикита-сан и другие. Я также посмотрела остальные классы, так вот: сложность оказалась настолько высока, что даже с оценкой А по академическим способностям допускали ошибки.

«Одним усердием это не объяснить», — настаивала Маедзоно.

— Ну... А-а, точно, он же вроде хорош в математике. Вот, это все объясняет.

— Лишь одно из решенных им было по математике. Остальные — два по английскому и по одному по химии и современной литературе. Дело тут не только в математике!

Маедзоно до встречи навела справки. Она отдельно указала на то, что Аянокоджи не просто хорошо знает один предмет.

— Наверное, вот что в нем мне показалось странноватым. Да, наверное, именно это, — согласно кивнула Ван, наиболее способная в учебе в собравшейся компании. — И если так, то разрыв между тем, что показывает «ОИС», и его реальными способностями даже больше, чем мне виделось изначально.

— Вот! Вот! Тут точно что-то не так!

Мацушита уже думала перебить Маедзоно, которая для себя, похоже, все решила, но не стала.

В конце концов, непросто будет вскользь упомянуть, что ему просто попались изученные в классе темы. Если переборщит с поддержкой, остальные подумают, будто она пытается его

выгородить.

Чего Мацушита хотела, так это чтобы Аянокоджи приносил пользу классу, но не навлекал на себя необоснованную неприязнь учеников. Поэтому она решила повременить с открытым заступничеством.

— Может, на самом деле у него чертовски развитая интуиция или типа того?

Мацушиту спасло граничащее с глупостью утверждение Ике, который ранее не выступал в поддержку Аянокоджи. И это было очень даже кстати: то, что не могла сказать она, звучало вполне естественно из уст Ике.

— Нет, никакая это не интуиция, и тем более не совпадение. Аянокоджи-кун уже давно хорошо справляется с учебой, — отрезала Маедзоно, что не потерпит слов вроде «интуиция».

— У тебя есть причины так думать? — заинтересованно спросила Ван.

Оглянувшись по сторонам, Маедзоно снова понизила голос:

— Сразу скажу, я это услышала кое от кого... Помните экзамен на необитаемом острове в этом году? На нем можно было всякими тестами заработать себе пропитание и баллы. Так вот, в тех из них, где участвовал Аянокоджи-кун, задания были очень сложными, но он с легкостью с ними разбирался.

Выходит, что еще до специального экзамена в декабре его академические способности находились на высоком уровне. Хотя Маедзоно предупредила, что услышала эту деталь от другого человека, но преподнесла все как вполне правдивую историю.

— Как оно на самом деле — мне непонятно, но... Что-то в этом есть, знаете. Образ Аянокоджи-куна с поступления особо не изменился... Однако окружающие стали вести себя с ним иначе. Тот же Хирата-кун, похоже, проникся к нему доверием. И обращаются они друг к другу по именам. Если не ошибаюсь, Хирата-кун только его не называет по фамилии.

Сомневаться в словах Ван не приходится. Она питает чувства к Хирате и наблюдает за ним больше кого бы то ни было.

Никто из присутствующих не вставил свое слово, но они поверили ей сразу.

— Хорикита-сан ведет за собой класс... Но Аянокоджи-кун не раз и не два тоже принимал в этом участие, только незаметно. Понимаете, о чем я, понимаете же? — произнесла очередную пламенную речь Маедзоно.

Онодера, Ике и Шиохара согласно закивали.

Прислушиваясь к разговору, Мацушита снова убедилась: в классе начинают осознавать потенциал Аянокоджи.

Разумеется, это потому, что по сравнению с первым годом обучения Аянокоджи стал чаще действовать в открытую, но это могут воспринять в негативном ключе. И поэтому она решила на время изменить свою позицию.

— Твои догадки могут быть верны, Маедзоно-сан. Аянокоджи-кун долгое время получал средние оценки, и даже если сейчас он начал выкладываться, «А» и выше ему сразу не получить. Но будь он серьезен с поступления, то по крайней мере по академическим способностям у него вполне могла быть оценка А.

Скептически настроенная Мацушита перешла на сторону согласных, отчего Маедзоно засияла гордостью.

— Судо-кун, ты не знаешь чего-то особенного про Аянокоджи-куна? Желательно, чтобы это было нечто, о чем не знаем мы, — в надежде спросила она.

На лице Судо промелькнула тень сомнения.

— Что? Что-то есть? Если есть, то расскажи!

Женская интуиция. Маедзоно не упустила из виду его выражение лица и решила дожать.

В самом начале второго года обучения, во время инцидента с Хосеном, Судо ощутил толику силы Аянокоджи. Теперь он задался вопросом: а можно ли об этом рассказывать?

«Та чередой событий держалась втайне, чтобы сделать так, будто инцидента не было вовсе, но никто же не запрещал говорить о способностях Аянокоджи? — спрашивал он себя. — Иначе он бы призвал помалкивать».

— Вы... обращаете внимание только на учебу, но крут он не только в ней, как мне кажется.

— Э? О чем это ты?

— Вы же сами видели, какую скорость Аянокоджи показал в забеге. Он был намного быстрее меня!

У них не было прямого противостояния, в котором бы каждый выложился изо всех сил, тем не

менее Судо уже признавал поражение.

Однако присутствующие особо не удивились. О незаурядности Аянокоджи они впервые узнали на соревнованиях с бывшим президентом ученического совета Хорикитой Манабу.

— Но об этом мы и так знали. Так к чему ты клонил?

Следующие слова Судо открыли глаза на совершенно новый факт:

— Дело не в одной только скорости. Он... Блин, обидно это признавать, но в атлетизме он превзойдет меня.

— П-превзойдет тебя, Судо-кун?!

Судо начал осторожно описывать Аянокоджи так, чтобы донести его превосходство:

— Победить я могу его в баскетболе, разве что. И это без шуток. Но проверять как-то не хочется. В смысле, я не вижу свое однозначное поражение, но такое чувство, будто в самой игре он может загнать меня в угол. Это не уверенность, а, скорее, предчувствие.

Даже Судо с самой высокой оценкой по физическим способностям на всей параллели вынужден поднять белый флаг. Из-за чего неожиданное открытие, в которое сложно поверить, удивительным образом показалось правдоподобным.

— Впечатляет, если ты говоришь серьезно. А на чем основано твое предчувствие, не поделишься? — взволнованно надавила Маедзоно на Судо, желая получить объяснения его уверенности.

Только он не мог ни при каких обстоятельствах рассказывать про инцидент с Хосеном, а потому начал выдумывать:

— Да подрался я с ним недавно! Врежу, думаю, а нет — даже коснуться не смог! И вот в этой стычке... я убедился, насколько же он хорош, — солгал Судо, после чего выпил воды.

Он вспоминал драку с Хосеном. Сам Судо оказался беспомощен, однако Аянокоджи схватился с первогодкой, глазом не моргнув. И потом спокойно разобрался с ситуацией, не испугавшись ножа.

Он увидел достаточно, чтобы понять: на самом деле в драке ему не победить.

Искренность чувств придала словам правдоподобности, отчего Маедзоно, похоже, поверила в

сказанное.

— А вдруг Каруизава-сан переключилась на Аянокоджи-куна, потому что заметила, насколько тот лучше Хираты-куна?.. Если так, то у нее поразительное чутье, — высказалась она. И непонятно, то ли хвалила, то ли негодовала.

— Я тоже давно задаюсь вопросом, почему же Каруизава начала встречаться с Аянокоджи. Все понять не могу.

Судо-то своими глазами видел, насколько невероятен Аянокоджи, а вот она...

— Если она смогла разглядеть в нем что-то, то логично, почему выбрала его.

Однако Судо задумался о другом: «У Аянокоджи не было причин делать Каруизаву своей девушкой».

Если оставить внешность в стороне, характер у нее не самый приятный. Однако это всего лишь субъективный взгляд, поэтому он промолчал.

— Кен, говорю как есть, но твоя оценка совсем нереальная. Я вообще не понимаю, о чем ты тут талдычишь...

Ике услышал объяснение на словах, но представить уже не мог.

— Неудивительно! Ты и не поймешь, пока не ощутишь на своей шкуре!

— Допустим, что это правда. Как же нам тогда определить, насколько он крут? — спросила Маедзоно Судо, желая во что бы то ни стало доказать эту точку зрения.

— Ну-у... А-а, точно. Можно внезапно ударить его. Подойти со спины и вмазать!

— Нет-нет-нет, ты же его просто застанешь врасплох.

— Не застанешь, даже так по Аянокоджи не попадешь.

— Застану и еще как попаду. Но пробовать не буду, потому что это подло.

— Тогда столкнись с ним лоб в лоб? Хотя там у тебя точно шансов ноль.

— Откуда ты знаешь?! Я, знаешь ли, довольно силен в драках!

Ике вскочил и начал поочередно махать перед собой кулаками.

«Шух, ших», — имитировал он свистом рассекаемый воздух, но сами движения были крайне вялыми.

— Ты никогда даже не дрался толком! — негодуя произнесла Шинохара и сказала, чтобы тот перестал позориться и сел на место.

— О-отстань! Я слабаков не обижаю!

— Да-да.

— Л-ладно, оставим драки в стороне. И все же, если это правда, хотелось бы, чтобы Аянокоджи выложился на полную. Тогда классу будет спокойнее, что ли. Мы так до класса А реально сможем подняться, разве нет?

Если можно будет рассчитывать на его академические и физические способности, это сыграет на руку классу. Ике говорил, что их положение может улучшиться.

— Пожалуй. Может, раз уж мы учимся в одном классе, стоит попросить его помочь?

«Способного надо приобщить к делу», — такой посыл вкладывала в свои слова Ван.

— Согласна. Давайте, как закончатся зимние каникулы, попробуем поговорить с ним! — согласилась Шинохара, поскольку возражать в обычных условиях точно никто не стал бы.

Так начали расти ожидания по отношению к Аянокоджи. Мацушита уже давно этого хотела, и вместе с тем к ней пришло понимание — от серьезных заблуждений надо избавиться.

— Подождите, я бы хотела предостеречь. Я разделяю ваш оптимизм и желание положиться на Аянокоджи-куна, тем не менее не стоит требовать от него что-то сделать у всех на виду.

— Почему? Если ничего не скажем, точно ничего не поменяется.

«Что толку, если он останется тише воды, ниже травы?», — пожаловалась Шинохара.

— Скорее всего, да, не поменяется. Но как по мне, сперва нужно понять, почему он все это время вел себя тихо.

«Давайте проявим внимание к чувствам Аянокоджи», — прозвучало ненавязчивое предостережение в адрес набравших обороты учеников.

Даже Судо, сделавшись простым слушателем, был согласен: он нарочито откашлялся, привлекая к себе внимание.

— Ты права. Если он настолько не любит выделяться, попытка вывести его на сцену может дать обратный эффект.

— Ага. А если вообще перестанет помогать, то сделаем для всех только хуже. Желание помогать у него вроде есть, раз на недавнем специальном экзамене правильно решил все задания.

Похоже, Шинохара с остальными после разъяснений осознали все риски их затей.

— Я тоже соглашусь. Ладно бы Аянокоджи-кун был как Коенджи-кун, от кого непонятно что ждать, но он ведь не такой. Так давайте не будем менять нашего к нему отношения, — выразила Онодера обоснованную солидарность с Мацушитой и Судо.

Благодаря этому собранию как минимум восемь человек пришли к общему заключению.

Аянокоджи обладает куда большими способностями, чем это отмечено в «ОИС». И пусть на него будут возлагать ожидания, наседать никто не станет.

Однако лишь Маедзоно, инициатор собрания, думала совершенно иначе.

— И вас это устроит, серьезно?

— Э?

— Аянокоджи-кун — выдающийся ученик, я это понимаю. Но поэтому я и побаиваюсь его... Как бы сказать, он же жуткий. Да... Это он предложил исключить Сакуру-сан, с которой дружил и состоял в одной группе, помните? Даже Кушиду-сан загнал в угол... А вдруг он может исключить любого из класса, стоит ему только захотеть.

Вся компания ушла в разговор с головой.

С момента сбора прошло уже больше часа, за это время одни посетители сменялись другими. Даже ученик, пришедший за несколько минут до Ван — а та появилась в кафе первой из группы, — встал со своего места с давно опустевшим стаканом.

— Ну, то решение было неизбежным. Из-за голоса Кушиды классу пришлось прибегнуть к исключению, по-другому выиграть бы не получилось. Рационально в такой ситуации отбросить личные чувства и выбрать, кто уйдет, на основе показателей «ОИС», — тут же парировал Судо.

У всех присутствующих, включая Ике, округлились глаза.

— Чего? Я сказал что-то странное? — всполошился Судо.

Маедзоно озадаченно ответила запаниковавшему:

— Не странное, просто...

Мацушита подхватила мысль:

— Твоя манера изложения, используемые обороты — теперь в них чувствуется интеллект. Все-таки поразительно, люди способны развиваться и расти над собой...

— Ха? И как я это должен понимать?

— Например, прежний ты не сказал бы «личные чувства» или «рационально».

— Вот-вот.

— Не-а, что в этом особенного. Каким же дураком вы меня считаете?!

— Так это показывает, насколько сильно ты вырос, разве нет?

Онодера обрадовалась так, будто похвалы удостоилась она сама.

— Хорош глумиться. Так, о чем мы? А, точно. Ну вот, Аянокоджи вовсе не плохой парень!

Смутившись, Судо попытался вернуть разговор к нужной теме.

— Я это понимаю. Также как понимаю, что исключение на экзамене было неизбежным. Но... Вы вспомните его разговор с Кушидой-сан. Он загонял ее в угол без малейшей жалости. Так равнодушно... Как машина... наверное?

— Та ситуация не располагала к эмоциям. И Аянокоджи делал это не от большого желания, — заступился Судо.

— А если он снова будет принимать решения, оставив эмоции в стороне?

— Я не говорю полагаться только на него! Но и про объективность забывать не стоит.

— Объективность, говоришь... И вас это устраивает?

Маедзоно бросила взгляд на Ике и Шинохару. На учеников, чьи имена расположены в самом низу классного рейтинга «ОИС». Поскольку предчувствовала, что в будущем Аянокоджи может выбрать их следующими кандидатами на исключение.

— А, да... Методы Аянокоджи, они... немного того. Широкий круг друзей — тоже способность, хотелось бы, чтобы он это учитывал. Мое исключение не приведет ни к чему хорошему, та же Сацуки будет слезами обливаться.

— Да, исключено! — Шинохара вцепилась в руку Ике и не отпускала ее.

— И у нас есть прецедент с Хасебе-сан, которая уже долгое время испытывает последствия такого решения... — произнесла Ван, и ее лицо сразу омрачилось.

— Это еще ничего, если все останется как есть. Только... Не должны ли мы всеми силами не допустить, чтобы Аянокоджи-кун стал лидером нашего класса? — заявила Маедзоно в ходе затянувшейся дискуссии.

Она озвучила таившееся где-то внутри беспокойство.

— Аянокоджи им не станет. Это просто не в его духе.

— Возможно, но нельзя сказать наверняка. Думаю, при наличии способностей, его могут признать лидером.

— Я буду только за. Если Аянокоджи-кун и правда обладает такими способностями, то пускай поведет класс.

Мацушита приветствовала Аянокоджи на посту лидера, поскольку была уверена в своем превосходстве. Только и всего.

Ученики, занимающие низ рейтинга, будут опасаться изгнания, но преуспевающим бояться нечего — до тех пор, конечно, пока они не мешают руководству класса.

Однако если взять действующего лидера Хорикиту, то тут все иначе. Она подвержена эмоциям, из-за чего никогда не знаешь, когда можешь оказаться исключенным. Мацушите постоянно казалось, что с ней нельзя терять бдительность.

— Я решительно против того, чтобы Аянокоджи-кун был лидером.

— В таком случае, Маедзоно-сан, как будет лучше, на твой взгляд?

Мацушита хотела вывести мысли Маедзоно, которая все не могла успокоиться.

— На мой... — попыталась она что-то сказать, но умолкла, поскольку четкого ответа еще не сформулировала. — Мы же для того и обсуждаем все вместе, потому что у нас нет понимания, как поступить, правильно? — выкрутилась Маедзоно, уйдя от прямого ответа.

— Я считаю, что мы ни к чему не придем, даже если продолжим обсуждать мышление Аянокоджи-куна. Также отмечу, что лидер нашего класса — Хорикита-сан, кто бы что ни говорил. Если есть желание углубить дискуссию, надо бы говорить в ее присутствии, вы так не думаете?

Мацушита постаралась смягчить замечание.

Она вовсе не хотела поругаться с Маедзоно. Как и не хотела становиться главным двигателем этого обсуждения.

Сейчас им необходимо сосредоточиться на том, чтобы не мешать Аянокоджи улучшать положение класса.

Мацушита понимала страх отстающих учеников, вроде Ике и Шинохары, перед бессердечным судьей, но ее это не касается.

«Мне правда очень жаль», — добавила она про себя.

— Может быть... Но к чему-то мы все же можем прийти за разговором, мне так кажется. Маедзоно не желала подводить черту, однако с тех пор тема дальше не продвинулась. В итоге они перешли к обсуждению событий рождественского сочельника.

Часть 1

Незадолго до двух часов того же дня один ученик выкинул стаканчик в урну, установленную неподалеку от торгового центра Кёяки. Оглядывая его пристальным взглядом, к нему подошла ученица. Тот весело махнул рукой своей однокласснице.

— Привет, Масуми-чан. А ты пришла даже раньше, чем я думал.

— Слушай, можешь прекратить меня так называть? И еще, не надо дергать меня по выходным.

— Да ладно тебе. Сегодня у меня появилась кое-какая интересная информация.

— Про твоё увлечение мне известно, но меня в это втягивать не надо.

— Какая суровая. Информация-то довольно полезная, скажу я тебе.

— Раз так, можешь передать её Сакаянаги и подзаработать баллов.

— Я о многих вариантах успел подумать. Но из всего класса я могу поговорить по душам разве что с тобой, Масуми-чан.

— Ты явно врешь.

— Ничего не вру. Ты не боишься высказаться даже нашей принцессе.

«Именно это я в тебе и ценю», — ответил Хашимото.

— И что с того? Это никак не связано с разговорами по душам. Терпеть не могу твоё дурачество.

Хашимото не задела прямота, и он продолжил:

— Брось, просто послушай. Я тут узнал такое...

С этими словами Хашимото поведал о том, как днем подслушал разговор одной группы в торговом центре Кёяки. Затем он пересказывал факты из разговора, записанного на телефон, дополняя их собственными комментариями. О том, как компания в восемь человек, включая Судо, собралась поговорить о классе.

К концу пересказа даже Камуро, ранее незаинтересованная, изменилась в лице.

— Ну? Интересно, правда?

— Хотя кое о чём я уже знала...

— Все-таки ядром класса В является отнюдь не Хорикита. А ведь догадаться можно было: по тому немногому, что я увидел на необитаемом острове, странным нестыковкам и цепочкам событий. Больше всего меня поразило закулисье специального экзамена «Единогласное решение», такого я не ожидал, честно. Не так-то просто избавиться от девчонки, с которой ты близок и состоишь в одной группе, знаешь ли. Для этого надо полностью заглушить эмоции. И вроде она ничего из себя не представляла, но была той ещё милашкой.

— Причем тут внешность?

— Еще как причем! Будь Сакура уродиной, я бы подумал: «Ну ушла и ушла». На удивление, внешность человека многое решает! — выдал Хашимото пламенную речь.

И хотя она не разделяла его взглядов, один момент в них был понятен.

— То есть Аянокоджи способен на бездушные решения, основанные на выгоде, и при этом близость не будет играть никакой роли?

— В точку! И как ты уже могла понять из их разговора, на момент проведения «Единогласного решения» Аянокоджи не был на вершине классной иерархии. В таких условиях практически нереально захватить контроль в свои руки и управлять мнением класса.

Хашимото из предосторожности заблокировал телефон, чтобы случайно не удалить запись.

— Кстати, мне кое-что не дает покоя.

— Да, и что же?

— Как тебе вообще удалось подслушать такой важный разговор?

— Просто повезло. Всего лишь совпадение, — не задумываясь ответил Хашимото, однако Камуро ему нисколько не поверила.

— Совпадение, значит?

Сделанная Хашимото запись начинается еще до того, как члены класса Хорикиты собрались в кафе. Бесплезная болтовня — наиболее вероятное развитие событий, и предвидеть важный разговор он попросту не мог.

Даже если допустить, что в сборе сведений удача играет немаловажную роль, бывают ли настолько удачные совпадения?

— Да? Или есть сомнения?

— Мне все равно. Если не хочешь говорить, спрашивать не буду. Пускай будет совпадением.

Камуро решила не копать глубже, поскольку так было разумнее всего. Хашимото, впрочем, сам не горел желанием отвечать на ее вопросы.

— Ну и? Информация интересная, а дальше? Узнали мы о ней, а в чем смысл?

— Прежде, чем делать какие-то выводы... Если подтвердится, что Аянокоджи необычный парень, то мне интересно узнать: где, как и что он делал с момента поступления и до сегодняшнего дня. Вначале Рьюен изрядно бушевал, однако внезапно поутих, и в последнее время за ним наблюдаются очень странные взаимоотношения с Аянокоджи. Понимаешь, о чем я? — грамотно связывая между собой уже известные факты, Хашимото рассказал Камуро о появившихся у него теориях и предположениях.

— Рьюен сразился с тенью Хорикиты, Аянокоджи, и... проиграл?

— Он не из тех, кто станет заикливаться на результате одного сражения. Если мои предположения верны, то это был не просто проигрыш. Мне кажется, здесь дело во внушительной разнице в способностях.

— Тогда зачем после этого он водится с Аянокоджи? Хочет отомстить?

— В том числе, скорее всего. Но, возможно, и из-за личности Аянокоджи, как считаешь? Что, если сделать его своим союзником для Рьюена выгоднее, чем врагом?

— Так он использует его в своих целях?.. В этом же весь Рьюен, да?

От одного поражения он не падет. Если вцепится, то уже не отпустит — такого подхода ожидаешь от Рьюена.

— Не без этого. Но мне кажется, тут кроется нечто большее.

— Нечто большее?

— Рьюен, скорее всего, использует его в своих целях. Но Аянокоджи определенно об этом знает. И там получается нечто вроде «если хочешь, позволю собой воспользоваться, но и ты должен потрудиться».

— Бред какой-то. И что с этого получит Аянокоджи? Поддержку класса из тени Хорикиты я понять могу, но...

— Как знать. Например, Рьюен раздавит Ичиносе или Сакаянаги вместо него? Если Аянокоджи не из тех, кто сражается лоб в лоб, то было бы весьма логично положиться на воинственного Рьюена?

— Ну, может быть и так.

— До сих пор меня все время терзали сомнения, но туман наконец-то начал рассеиваться. Наиболее опасный противник в классе Хорикиты — это Аянокоджи. И... — Хашимото на

мгновение замешкался, но все же продолжил: — Способности Аянокоджи будут повнушительнее, чем у нашей принцессы.

— Прямо уверен в этом?

— Ага. Заметь, я не добавил ни «наверное», ни «скорее всего». Сегодняшний разговор убедил меня окончательно.

Переоценивать кого-то настолько сильно — явно ненормально в обычных обстоятельствах.

— Если это правда, у нас большие неприятности.

— Да уж, неприятности, так неприятности. Более того, итоговый экзамен в конце третьего триместра должен привести к большим изменениям в очках. Если мы проиграем Рьюэну, оторваться уже не сможем.

Хашимото беззаботно говорил о том, о чем никто в классе А не рискнул бы упоминать. Камуро слегка разозлилась и наградила Хашимото недобрым взглядом.

Неизвестно, будут ли они противостоять классу Аянокоджи. Быть может, это произойдет уже в обозримом будущем. Тем не менее сначала нужно побеспокоиться об итоговом экзамене в конце третьего триместра.

— Ты считаешь, что мы проиграем Рьюэну? Тебя поэтому беспокоит судьба класса А? Или ты даже хочешь, чтобы мы проиграли?

— Ничего подобного. И я в курсе, что ты бы разозлилась за такие слова, Масуми-чан.

Хашимото знает, что она не верует в Сакаянаги, и тем не менее был слегка удивлен.

Однако Камуро злилась вовсе не из-за этого.

— Мне просто не нравится твой пессимизм. Ты все время прогнозируешь одно и то же.

— Да, я пессимист, отрицать не стану. Но нет ничего плохого в том, чтобы предположить возможный проигрыш.

В этой школе никогда не знаешь, какие повороты тебя ожидают, и есть ли выходы из складывающихся ситуаций.

Хашимото всегда принимает меры предосторожности, однако, естественно, абсолютно со всем

справиться невозможно.

— Ну предположил, а дальше что? Тебе это не дает ничего кроме душевного спокойствия.

Камуро считала подобные действия бесполезными и питала отвращение к череде пессимистических высказываний.

— Не говори так! Ты единственная, с кем я могу обсудить это, Масуми-чан.

— Ха-а...

Пускай Камуро прислуживала Сакаянаги, но она не отдала ей душу целиком. Она выскажется прямо, если что-то не понравилось, и даже даст решительный отказ, смотря какие обстоятельства.

Сакаянаги нравилась в ней эта черта. Как и Хашимото.

— И вообще, душевное спокойствие дорогого стоит, — пошутил он, разумеется, понимая, что это состояние лишь побочный продукт. — Особенно пока ты остаешься в том же классе.

Всего одна фраза способна придать пессимистичному взгляду новые смыслы.

— Если ты про тикет на переход в другой класс, то это очень рискованная затея. Проигравшему классу он вряд ли достанется, но если его каким-то образом удастся получить до конца года, время на использование будет сильно ограничено.

Тикет лишь кажется панацеей, выгоды от него, по сути, не так много. Чем выше положение класса, тем меньше пользы от перехода в нижестоящий класс.

— Но даже если сбудется твое худшее предположение, наши классы будут наравне. Допустим, тебе повезет с тикетом, и что тогда? Действительно воспользуешься им? Возможно, Аянокоджи у нас самый способный на всей параллели, но потребуются изрядная решимость, чтобы только из-за этого перейти в другой класс.

Пускай в какой-то момент класс Аянокоджи поднимется до класса А, без хоть малейшего отрыва, вполне вероятно, всего один специальный экзамен может изменить их положение.

Если Сакаянаги сделает свой ход и снова вырвется вперед, то переход в его класс окажется большой ошибкой.

Опять же, повезти с тикетом может классу Аянокоджи, и тогда появится шанс на спасение, но

здесь слишком много «если».

— Так что смысла в тикете нет, если ты не в откровенно отстающем классе, вроде Ичиносе.

Такого рода обсуждения велись не только между Хашимото и Камуро. Эта тема поднималась среди учеников довольно часто.

— Тикет — не единственный способ перейти в другой класс. Верно?

— Если ты про двадцать миллионов баллов, то это еще менее реалистично. Абсолютно невозможно, — продолжила возмущаться Камуро.

Хашимото, с другой стороны, всегда рассматривал возможность перехода благодаря действиям всего класса, а не одного человека.

— Это не мое дело, но все же... Почему ты постоянно пытаешься извлечь выгоду буквально из всего?

Камуро не говорила об этом, но Сакаянаги известно о подозрительных действиях Хашимото. Потому что она отчитывалась перед ней. Да и, вероятно, не она одна: наверняка несколько учеников с разных параллелей наблюдают за ним.

Стоит ему попытаться предать свой класс и вырваться из него, как тут же станет мишенью.

— Неважно, кто победит, главное самому оказаться в классе А. Звучит сложно, но на самом деле все просто.

— Понимаю, к чему ты клонишь, но тебе лучше выбросить из головы эти дурацкие мысли. Ради твоего же блага, — на всякий случай посоветовала Камуро. Это было своего рода предостережение от одноклассника.

— Спасибо, — тихо ответил Хашимото, однако не похоже, что он прислушается к совету.

Хашимото не желал предавать кого-либо. Просто если хочет выпуститься из класса А, то не может позволить себе заикливаться на одной только Сакаянаги.

Изначальное доминирование одной силы сошло на нет, теперь игру могли вести три силы. Впрочем, такой вариант он и так держал в голове. Просчитался только с одним: класс Ичиносе из этой тройки все-таки вылетел.

До середины второго года обучения он не замечал истинного влияния Аянокоджи. В ходе

многочисленных разведок, тот даже отдаленно не создавал впечатления явно сильного противника. Скорее всего, делал это умышленно.

Однако за последние несколько месяцев Аянокоджи раз за разом приковывал к себе внимание, как бы показывая, что вся его незаинтересованность — лишь обман. Поначалу он не выделялся вовсе, казалось, ему не было дела до соперничества между классами.

Что стало причиной такого стремительного преображения?

Или же он с самого начала ставил перед собой цель победить? И тянул столько времени, чтобы дожидаться подходящего для продвижения класса момента?

Один вопрос сменялся другим.

У него сложились полные портреты Сакаянаги, Рьюена и даже Ичиносе — что они собой представляли, какими принципами руководствовались.

А вот об Аянокоджи не сложилось никаких представлений. А это проблема.

— Я хочу узнать больше об Аянокоджи и его окружении. Пока буду копать глубже.

— Делай что считаешь нужным.

Сакаянаги не давала указаний следить за Аянокоджи или собирать информацию о нем. Камуро подумала, что раз Хашимото хочет, пускай этим занимается.

На самом деле сегодняшняя диктофонная запись очень пригодится для грядущих сражений.

Но она вдруг осознала.

Где-то еще в начале прошлого года Сакаянаги поручила Камуро — и только ей — разузнать насчет Аянокоджи. Догадывалась ли она уже тогда о его способностях?

— Я как раз хотел бы с тобой обсудить этот момент, Масуми-чан...

Неужели она в самом начале разглядела что-то в нем?

И тут Камуро в голову пришла одна мысль.

А что, если Сакаянаги узнала о его способностях совсем не так, как ей кажется?

— Э-эй, Масуми-ча-ан? — помахал перед лицом Камуро Хашимото, увидев, что та витает в облаках.

Та резко отбила его руку.

— Что ты лезешь?..

— Ну, как бы, ты впала в ступор. А я хочу поговорить на серьезную тему...

Камуро на время отложила свои мысли и принялась слушать Хашимото.

— Ох и дурное у меня предчувствие...

— Не сможешь мне выйти на контакт с Аянокоджи? Давай вместе, а?

— Почему я?..

— Со мной он непременно будет настороже. Рьюен наверняка уже успел наговорить обо мне всякого.

— Ничего не изменится, если мы будем вместе. Он ко мне также отнесется с опаской.

— Да, Аянокоджи проявит бдительность сразу, как только увидит нас, но две пары глаз и ушей помогут собрать больше информации, понимаешь?

— Я в деле, но есть условия.

— О, и какие же?

— Больше никогда не называй меня Масуми-чан. Условие не обсуждается.

— О-окей. Тогда... э-э, Камуро-чан?

Он подумал, что на этом переговоры завершены, однако Камуро продолжила:

— И еще одно. С Аянокоджи я встречусь сама.

— Одна, в смысле? — растерялся Хашимото.

— Стоит Сакаянаги прознать о нас, возникнут лишние недоразумения.

— Этого отрицать не стану.

Она хотела выйти на контакт с Аянокоджи в одиночку из опасений, что иначе привлечет внимание Сакаянаги.

Однако для Хашимото такая задумка выгодной не была.

— Я разужнаю о том, что ты хочешь. Считаю это компромиссом.

Если он настаивает о совместной встрече, Камуро сразу делает вид, что этого разговора не было.

И потом, он не просто так сразу перестал обращаться к ней по имени.

За почти двухлетнее знакомство Хашимото стал хорошо понимать Камуро.

— Ну... Делать нечего. Окей, пусть будет так, — согласился Хашимото, после чего вытянул правую руку.

Камуро не стала пожимать ее в ответ, а лишь окатила Хашимото ледяным взглядом.

— Холодна, как всегда. А вот мне ты очень даже нравишься, Камуро-чан.

— У тебя же есть девушка, как ты можешь такое говорить?

— А если мы расстанемся, станешь встречаться со мной?

— Нет.

«Ох», — приложив ладонь ко лбу, сокрушался отвергнутый Хашимото. Но поскольку на его лице все это время красовалась улыбка, Камуро, которой пришлось участвовать в этом представлении, лишь помотала головой.

— Ладно, я пошла.— Прости, что выдернул тебя! А, но все же дай знать, когда и во сколько перейдешь к действиям, — напомнил он напоследок.

Часть 2

Тот же день.

Сегодня каждый ученик занимался своими делами. Какими — мне было, естественно, неизвестно, а сам я провел этот день в причудливой компании.

Рождество уже осталось позади. Двадцать шестое декабря известно также самыми низкими за весь год продажами тортов.

Вернее, так оно когда-то было.

Есть разные мнения, но одна из причин — окончание Рождества. Ведь японцы после него переключаются на Новый год.

Похоже, с недавних пор начала приживаться традиция есть торты в течение года, не привязываясь к какой-то конкретной дате, однако кое-что оставалось прежним: в этот день торты продавались кое-как

Из-за чего в последние годы находятся люди, стремящиеся купить торты со скидкой или же за полцены, такие умышленно идут в магазины двадцать шестого числа.

Нет, это не было моей первой мыслью, когда я проснулся сегодняшним утром; все равно планировал провести этот день в своей комнате.

Как-никак, скоро Кей должна окончательно поправиться. С ее слов, температура спала и к ней понемногу возвращаются силы.

Если позже у Кей будет желание восстановить наши отношения, мы вернемся к тому, что между нами было.

В моей комнате и так был порядок, однако пыль и мусор могут скапливаться в самых незаметных местах. Сегодня я основательно возьмусь за уборку.

Я расставил на столе заранее приготовленные чистящие средства и прочий инвентарь и отправился в бой.

Так с самого утра началось мое одинокое сражение.

Я передвигал мебель, протирал ее тряпкой, тщательно обрабатывал антибактериальным средством на основе спирта и так далее. Разумеется, закончив с комнатой, я перешел к туалету, ванне, а потом и к шкафу.

И когда я окончательно разобрался с оставшейся напоследок кухней, снаружи был уже вечер.

Снег сегодня не шел, но выпавший не таял.

— Интересно, остались ли еще рождественские торты?

Двадцать шестое число уже скоро подойдет к концу.

Большинство из нераспроданных за сегодня тортов, скорее всего, снимут с продажи из-за подходящего срока годности.

Может, сходить и посмотреть? А вдруг удастся купить подешевле?

Целый не нужен, но если со скидкой будут продаваться по кусочкам, то почему бы не купить.

Наблюдая за закатным солнцем, я решил отправиться в Кёяки и последовать своей задумке.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/4241/3179164>